

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2017 – 2018 учебный год

Муниципальный этап

11 класс

Время выполнения – 300 минут

Муниципальный этап Всероссийской олимпиады школьников по литературе проходит в один день. При проведении олимпиады необходимо выделить несколько аудиторий для каждой параллели. Участников олимпиады желательно разместить по одному человеку за партой. Наличие в аудитории дополнительного материала (текстов художественной литературы, словарей разных видов, средств мобильной связи) исключается. Работы участников предварительно шифруются. Работы пишутся только в прозаической форме. Работа должна быть независимо проверена и подписана не менее чем двумя членами жюри. Участникам муниципального этапа олимпиады предлагается выполнить два типа заданий: аналитическое и творческое. Время выполнения первого задания – 3,5 астрономических часа (210 минут), максимальный балл – 70. Время выполнения творческого задания – 1,5 астрономических часа (90 минут). Максимальный балл – 30. Максимальный общий балл за работу – 100, время выполнения заданий – 5 астрономических часов (300 минут).

Оценка за работу выставляется в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию. Обязательно оцениваются:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений». Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30.
2. Композиционная стройность работы и ее стилистическая однородность. Уместность цитат и отсылок к тексту. Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15.
3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом. Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.
4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.
5. Общая языковая и речевая грамотность. Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 1 – 2 – 3 – 5. Максимальный балл – 70 баллов.

Задания выдаются вместе с критериями их оценивания.

Аналитическое задание

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного) — на выбор!

Комплексный анализ стихотворного текста

О. Мандельштам

Концерт на вокзале

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,

И ни одна звезда не говорит,

Но, видит бог, есть музыка над нами, -

Дрожит вокзал от пенья аонид,

И снова, паровозными свистками

Разорванный, скрипичный воздух слит.

Огромный парк. Вокзала шар стеклянный.

Железный мир опять заморожен.

На звучный пир в элизиум туманный

Торжественно уносится вагон.

Павлиний крик и рокот фортепьянный.

Я опоздал. Мне страшно. Это сон.

И я вхожу в стеклянный лес вокзала,

Скрипичный строй в смятении и слезах.

Ночного хора дикое начало

И запах роз в гниющих парниках,

Где под стеклянным небом ночевала

Родная тень в кочующих толпах.

И мнится мне: весь в музыке и пене

Железный мир так нищенски дрожит.

В стеклянные я упираюсь сени.

Куда же ты? На тризне милой тени

В последний раз нам музыка звучит.

1921

Японский зонтик

Возле магазина с названием «Универсам» пролегла длинная очередь. Люди стояли друг за дружкой, сохраняя определённый интервал. Каждый существовал по стойке «вольно».

Я остановился и размышлял: если, например, толкнуть самого крайнего в спину, он упал бы на предыдущего, тот на последующего, и вся очередь в течение минуты легла бы ниц с таким звоном, будто кто провёл пальцем по гребёнке.

Потом я подумал: зачем толкать людей ниц, а самому возвышаться над поверженными? Зачем возвышаться над людьми, когда можно жить с ними одной жизнью?

Я перешёл дорогу и встал в хвост очереди.

Передо мной спина в дублёнке и затылок в ондатровой шапке. Поразительное дело: дублёнку днём с огнём не сыскать, а вся Москва в дублёнках. Лично я ношу кролик под котик и ратиновое пальто, которое я пошил в 1958 году.

Ратин — материал прочный. В нем можно проходить всю жизнь. За те годы, что я его ношу, он уже успел выйти из моды и снова в неё войти.

— А что дают?

Я обернулся. Передо мной стояла девушка в дублёнке.

«В самом деле, — подумал я, — а за чем я встал?»

— Простите, — вежливо сказал я, — сейчас узнаем.

Я постучал в предыдущую спину, как в дверь.

Ондатровый затылок повернулся и показал мне свой чёрный носатый профиль. В профиль мужик походил на безнравственную ворону.

— Скажите, пожалуйста, а что дают?

— Японские зонтики.

— Японские зонтики, — перевёл я девушке.

— Я слышу, — невежливо ответила девушка.

Понятно, что слышит. Не глухая. Но ведь могла бы и скрыть. Могла бы сказать: «Большое спасибо». Тогда бы я спросил: «А это хорошо?» «Что именно — хорошо?»

«Японские зонтики».

«Это очень удобно. Их можно складывать и прятать в сумку».

Поскольку я с сумками не хожу, я бы спросил: «А в карман можно?»

«Смотря в какой карман», — сказала бы девушка.

Это было бы началом нашей беседы, которая могла продолжаться год, и три, и всю жизнь. Но девушка не захотела беседовать со мной даже трех минут, потому что я не в дублёнке, а в ратиновом пальто с узкими лацканами.

Одежда — это внешнее решение человека. Моё внешнее решение зависит, к сожалению, не от меня, а от обстоятельств и совершенно не совпадает с моим внутренним "я". Эти два "я" постоянно пребывают в антагонизме и делают меня несвободным. Лишают индивидуальности.

Говорят, что миллионеры на Западе очень бедно одеваются. Рокфеллер, например, мог бы надеть моё ратиновое пальто и пойти по своим делам. И никто бы не удивился. Когда человек может позволить себе все, что угодно, он может позволить себе роскошь ходить в старом пальто. А я ещё не настолько богат, чтоб не ценить денег. Не настолько мудр, чтобы перестать искать смысл бытия. Не настолько стар, чтобы радоваться жизни как таковой. И не настолько молод, чтобы радоваться без причин, подчиняясь биологическому оптимизму.

Я нахожусь на середине жизни, в самом трагическом. возрасте, когда страсти ещё не отшумели, но усталость уже грянула в сердце. Мои "я" рвут друг друга в клочья, я не уверен в себе и других, и поэтому больше всего я люблю стоять в длинных очередях. Быть за спинами и быть как все.

Вот и сейчас я стою в хвосте длинной надёжной очереди. Я спокоен и прав. Ведь не могут же столько людей ошибаться одновременно. Не могут ведь они своё время и терпение расходовать на ложную цель.

Мимо меня вдоль очереди прошла японка в европейской одежде. Она держала над собой зонтик производства московской фабрики. Зонт был чёрный, крепкий, на внушительной деревянной ручке с пластмассовым набалдашником.

Я сделал шаг в сторону и случился на пути японки.

— Здравствуйте, — приветливо поздоровался я. — Добрый день.

Я тайне рассчитывал, что японка склонится в низком почтительном поклоне, настолько низком, что я увижу её стройный затылок. Настоящая японка воспитана в духе преклонения перед мужчиной, каким бы он ни был, и это единственно правильное воспитание. Мужчине совершенно не нужна чужая индивидуальность. Он всегда ищет в женщине подтверждения своей индивидуальности.

— Добрый день, — ответила японка на чистейшем русском языке. Кланяться она и не думала. Японка была испорчена цивилизацией. Глядела на меня своими дивными глазами и думала не о преклонении, а черт знает о чем. О мировой экономике.

— А почему вы не носите японский зонтик? — спросил я.

— Наши зонтики не рассчитаны на ваши климатические условия, — ответила японка и пошла своей дорогой, мелко перебирая ногами, будто она была не в брюках, а в кимоно.

Я встал обратно в очередь, и в меня проник микроб сиротства. Я усомнился: нужен ли мне японский зонтик, непригодный для наших климатических условий? Прав ли я, подчиняясь инстинкту моды. Может, имеет смысл преодолеть инстинкт и выйти из очереди?

В мои размышления вторглась продавщица.

— Вам синий или красный? — спросила она.

— Что? — очнулся я.

Продавщица сунула мне синий зонт и коробку.

— А это что?

— Нагрузка, — объяснила продавщица. — Итальянские платформы.

— А зачем они мне?

— Для заземления. Японские зонты идут в комплекте.

Мне не нужны были ни зонт, ни платформы, но было обидно уходить ни с чем.

— Я возьму только зонт, — объявил я.

Очередь глухо вздохнула за моей спиной и вытеснила меня своим поступательным движением.

Я отошёл в сторону, раскрыл зонт и вдруг почувствовал, что меня тянет вверх. Я упёрся ногами в землю, но мои туфли, видимо, оказались слишком лёгкими, и я взлетел.

Ощущение полёта было довольно знакомым и даже привычным. Я помнил его по детским снам.

Синий купол зонта устойчиво опирался на воздушную подушку, я летел, держась за воздух, и не боялся упасть.

Сначала я шёл довольно низко, метра два над землёй, и очень рассчитывал, что кто-нибудь из очереди ухватит меня за ноги и прекратит моё вознесение. Но меня никто не схватил, возможно, боялся, что я оторву его от земли и унесу на своих ногах в небо. «Как стоять, так всем вместе, — подумал я, — а как лететь, так мне одному».

Я вспомнил, что в тяжёлую минуту сомнений я не бросил очередь. А когда я полетел — никто даже головы не поднял. А почему? Потому что зонт нужен всем, а я не нужен никому. И в самом деле: в сумку меня не сложишь, ни на что путное не обменяешь. Ни красоты от меня, ни пользы. Одни неудобства. Меня надо кормить. Со мной надо разговаривать. Меня надо понимать.

Зонтик тем временем набирал высоту. Я испугался, что меня может вынести на воздушную трассу, и тогда меня собьёт самолёт. Ударит винтом.

Пролетая над девятиэтажным домом, я ухватился свободной рукой за телевизионную антенну и, побарахтавшись в воздухе, встал на крышу. Нажал на ручке зонтика выступ. Зонтик обмяк, уронил свой синий купол.

Я повесил его на антенну, а сам сел на крышу и свесил ноги.

Город хорошо просматривался сверху.

И вдруг я обратил внимание, что очередь стала какойто другой. Сначала я не мог сообразить: в чем дело. Но, взглядевшись, понял: люди и вещи поменялись местами. Вещи вытянулись в длинную очередь и выбирают себе людей. А люди сидят в картонных коробках, в какие пакуют телевизоры, и, высунув головы, дышат свежим воздухом.

— Мне, пожалуйста, шикарного очкарика, — попросила канадская дублёрка.

— Одну минуточку...

Продавщица походила между коробками и привела с собой очкарика с висячими усами.

Дублёрка протянула продавщице деньги, и они ушли.

— Нам вот того толстого дядечку, — попросили американские джинсы.

— Я не пойду. — Из коробки поднялся толстый дядечка в сатиновых шароварах. — У меня пятьдесят шестой размер, а они — сорок четвёртый.

— Действительно, — согласилась продавщица. — Он вам велик...

— Но мы же стояли, — возмутились джинсы. — Что же получается: мы зря стояли?

Следом за джинсами маялся нейлоновый парик. А за ним переминались с ноги на ногу зимние австрийские платформы.

— Меня! — шептала платформам хорошенькая блондинка.

— Меня! — поправляла усатая брюнетка и подскакивала в своей коробочке.

«А кто выберет меня, — думал я, рассматривая вещи. — Нужен ли я кому?»

И вдруг я увидел в очереди своё ратиновое пальто. За те семнадцать лет, что я его носил, оно приняло формы моего тела: так же ссутулены плечи, так же оттянуты локти. Как оно постарело! В нескольких местах ратин протёрся до прозрачности марли. Изнутри на подкладке были дыры величиной с обеденную тарелку.

Я посмотрел на своё пальто и понял: если я его не возьму, с ним никто не пойдёт. Так и будет стоять здесь, сунув потёртые рукава в потёртые карманы.

На антенну села перелётная птичка. Сначала она выбросила вперёд ножки, как шасси, а уж потом, почувствовав устойчивость, опустила крылышки.

— Отдыхаешь? — спросила птичка.

— А твоё какое дело?

— А я в Африку лечу, — не обиделась птичка. — Хочешь, полетим вместе.

— А чего я там забыл?

— Как хочешь... — снова не обиделась птичка.

Она вздыбила крылышки, затрепетала ими, оторвала себя от антенны и полетела легко и витиевато, будто писала в воздухе свой автограф.

Я огляделся по сторонам. На крыше было не прибрано. Валялись кирпичи, битые стекла, какая-то строительная ветошь. Должно быть, строители, положив последнюю плиту, забыли или не захотели за собой подмести.

Я взял кирпич потяжелее, сунул его за пояс для увеличения веса. Потом снял с антенны зонтик и раскрыл его над собой.

Зонтик плавно смахнул меня с крыши и понёс по наклонной к магазину.

Я нашёл пустую просторную коробку и сел в неё. Стал ждать своё пальто. На коробке была нарисована синяя рюмочка и написано: «Осторожно. Верх. Не кантовать».

Творческое задание

Напишите связный текст историко-литературного характера, включив в него максимальное количество из следующих 10 слов (словосочетаний) в любой последовательности. За каждое правильно и уместно использованное слово (словосочетание) 3 балла.

Ялта, Алексеев, Книппер, подтекст, Харьков, двадцать два несчастья, звук лопнувшей струны, Симеонов-Пищик, Дериганов, жанр.